

COVID-19: на стыке "мягкой" и "жесткой" безопасности

Научный руководитель – Саямов Юрий Николаевич

Чжан Ихань

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет глобальных процессов, Направление геополитики и дипломатии, Москва, Россия

E-mail: toorou@mail.ru

Парадигмы, использовавшиеся до начала 1990-х годов для понимания и анализа международных отношений, оказались устаревшими перед лицом новых угроз и реалий. Безопасность предлагает новые инновационные и адаптированные рамки для понимания, но еще более важно оценить концептуальный переворот, вызванный этой новой парадигмой. Дж. Бентам - один из классических философов, наряду с Т. Гоббсом, который интересовался проблемой безопасности. Однако определение, данное двумя авторами, отличается так же сильно, как и способы, которые они рассматривают для его обеспечения. Бентам считает, что безопасность тесно связана с двумя другими центральными понятиями в его политической мысли: счастьем и законом. Бентам утверждал в Теории законодательства, что без уверенности в ожиданиях (или просто безопасности) люди не могут оставить последовательную и непрерывную жизнь, которая необходима для человеческого счастья[1]. Безопасность здесь означает отсутствие реальной или ощущаемой угрозы, которую каждый ищет для своего счастья. Она не только объективна, то есть, основана на осязаемой реальности, но и субъективна, то есть, основана на прошлом индивидуальном опыте, ощущении настоящего и ожидании будущего. Безопасность государства - это не что иное, как безопасность отдельных его членов. То, что касается одного, не может быть сделано за счет того, что делают другие. Бентам не ограничивается чисто военным подходом к безопасности, ориентированным на защиту людей от физического насилия, даже если он включает его в первую очередь. Таким образом, безопасность имеет более широкое значение, чем мир, который Дж. Бентам негативно определяет как » отсутствие войны. Безопасность означает отсутствие угроз и непосредственных, но и в будущем. Он настаивает на проекции в будущее, то есть на способность прогнозировать последовательность причин и следствий, чтобы предвидеть наказания и удовольствия в будущем, и, таким образом, развивать лучшие стратегии в отношении конца исследована. В прошлом считалось, что безопасность находится под угрозой извне: обеспечение безопасности государства в основном заключалось в защите государства от любых внешних нападений, а безопасность людей напрямую зависит от безопасности их государства, которое защищает их от любых внешних угроз. Одно из самых широких и абстрактных определений кратко сформулировано Арнольдом Вольферсом: «...безопасность в объективном смысле измеряет отсутствие угроз приобретенным ценностям, в субъективном смысле - отсутствие страха, что такие ценности будут атакованы»[2]. Поскольку теория международных отношений была построена на предпосылке взаимоотношений между нациями, этот термин обычно означает «национальная безопасность». Общепринятое понятие безопасности, которое обычно разделяют, - это узкое понимание безопасности в рамках вестфальской системы международных отношений, где суверенное государство обязано защищать свою политическую независимость, территориальную целостность и свой народ. Таким образом, общепринятое понятие безопасности в теории международных отношений можно рассматривать как концепцию, ориентированную на государство и его правительство, которое занимается защитой территории, поддержанием политической независимости и защитой с помощью

военных и других необходимых средств людей и имущества на своей территории от вторжения внешних врагов. Реалисты, такие как Э. Х. Карр и Ханс Моргентау, и неореалисты, такие как Кеннет Вальц построили свои теории на глубоких корнях национальной и военной безопасности [3]. Однако такого рода государственно-ориентированный или политико-военный взгляд на безопасность плохо подходит для борьбы с транснациональным терроризмом, массовыми перемещениями населения, инфекционными заболеваниями, глобальными проблемами, которые выходят за пределы территориальных границ государств. Крах системы холодной войны, основанной на балансе страха между двумя сверхдержавами, уменьшил ощущение неминуемой опасности ядерной конфронтации. В результате другие проблемы безопасности стали более заметными. Изменился контекст стратегических отношений между государствами. Во-первых, он характеризуется такой взаимозависимостью и глобализацией, что государственный суверенитет утратил свой блеск и теперь находится под растущим влиянием негосударственных субъектов, особенно в области безопасности. Международная система как никогда ранее, начиная с 11 сентября 2001 года, посвящает все более широкое распространение в военной сфере новой формы конфронтации-противостояния государственного субъекта против негосударственного субъекта. В то же время это растущее влияние также посвящает переходу от государственного взгляда к человеческому взгляду на безопасность. Во-вторых, новый контекст характеризуется невоенными угрозами, усиливающими важность политической, экономической, социальной или экологической безопасности, которые, как это ни парадоксально, проистекают из растущей взаимозависимости. В то время как кажется, что реалистичный мир, основанный на соотношении сил, имеет тенденцию исчезать перед либеральным миром, основанным на достоинствах экономического, демократического и институционального порядка, глобализация безопасности не только порождает надежды на мир, но и раскрывает более неясные и тревожные стороны. Либералы, конструктивисты, идеалисты и критики в конечном итоге сходятся во мнении об устаревании стратегического контекста, в котором доминируют только военные проблемы, и о наступлении новой эры, ориентированной на приоритеты и потребности безопасности человека. Ещё 20 лет назад Кофи Аннан в своем докладе о мире, развитии и правах человека утверждал, что инфекционные заболевания должны подвергаться таким же ответным мерам, как и терроризм. После терактов 11 сентября Совет Безопасности стал настоящим законодателем, потребовав от государств изменить некоторые из своих законов. С коронавирусом государства-члены Организации Объединенных Наций должны обратиться в Совет, чтобы он также проявил инициативу. Вирус Covid-19, зарегистрированный 29 декабря 2019 года в китайской провинции Ухань, в конечном итоге захлестнул весь мир, посеял панику, беспокойство и замешательство и привел к «глобализации страха». Реакция пострадавших государств, поначалу минималистичная, с течением времени и по мере экспоненциального увеличения числа жертв, становилась все более интенсивной. Что касается воздействия вируса на национальном и международном уровнях, то его преждевременно оценивать, учитывая неопределенность, связанную с его продолжительностью, серьезностью и воздействием в различных секторах экономической и социальной жизни. Но уже сейчас неизбежна великая рецессия, и цифры, представленные Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития в исчислении тысяч миллионов долларов, вызывают тревогу. Реакция ООН главным образом проявилась в заявлениях генерального секретаря, в которых излагались меры и содержался призыв к государствам удвоить усилия, координировать свои действия и проявлять ответственность перед своими гражданами и солидарность с другими государствами. Однако covid-19, похоже, не вызвал желаемого отклика среди членов Совета Безопасности, назвав его «угрозой международному миру и безопасности» и сделав обязательным сотрудничество государств в борьбе с ним против потенциально разрушительных

последствий пандемии. Тем не менее, взаимосвязь между здоровьем, миром и безопасностью хорошо прослеживается в учредительных документах международных организаций и в их правовых документах. Так, в преамбуле Устава ВОЗ[4] говорится, что «здоровье всех народов является основой для достижения мира и безопасности; оно зависит от полного сотрудничества отдельных лиц и Государств». Эта связь была подтверждена Всемирной Ассамблеей Здравоохранения в резолюции, принятой в 1962 году, в которой она подтвердила что «улучшение здоровья во всем мире внесет важный вклад в мир», добавив при этом, что «мир, в свою очередь, является ключевым условием сохранения и улучшения здоровья людей во всем мире». В связи с расширением и обострением пандемии фраза «война с вирусом» использовалась несколькими главами государств и другими высокопоставленными должностными лицами из разных стран (Д.Трамп, Э. Макрон, губернатор штата Нью-Йорк ...) и из международных организаций (генеральный секретарь ООН). Некоторые СМИ зашли так далеко, что заговорили о начале Третьей мировой войны. Появились научные статьи и монографии, содержащие подобные заголовки. Например, книга Крити Шубхам «COVID-19 The beginning of third world war: L.A. Cline of actual control». Марио Артуро Руис Эстрада в статье «The Third War World (WWIII) Under COVID-19» пишет: «COVID-19-это нетрадиционная война без какого-либо предупреждения или конкретного или реального врага»[5]. Следует напомнить, что термин «война» был использован президентом Джорджем Бушем в 2001 году для мобилизации международного сообщества на борьбу с терроризмом в целом (война с террором) и для создания на основе резолюции Совета Безопасности (1373 от 28 сентября 2001 года)[6] строгого и обязательного многогранного механизма, в котором участвовали все государства. Милитаризация антикризисного управления еще больше укрепляет концепцию войны и соответствует логике квалификации этой пандемии как угрозы международному миру и безопасности. В конце февраля 2020 года команда из Бернского университета опубликовала относительно простую формулу для искусственного появления вируса Covid-19 в лаборатории[7]. Поскольку биологические агенты относительно легко получить по невысокой цене, их можно легко распространить и вызвать панику и массовые потрясения, они также могут стать основным оружием для террористических групп. По крайней мере, теоретически, генная инженерия может предоставить мощные инструменты для приверженцев биотерроризма. Комитет Совета Европы по борьбе с терроризмом подчеркивает, что пандемия, связанная с коронавирусом, усиливает угрозу биотерроризма. Поэтому Совет Европы призывает свои 47 стран-членов провести учения, чтобы лучше подготовиться к возникновению биологической угрозы[8]. Хотя биотеррористическую атаку негосударственным субъектам трудно осуществить (из-за сложности превращения биологического агента в оружие), это не является недостижимым. Однако в случае успеха атака вызовет панику среди населения и может привести к значительному числу жертв. С другой стороны, хотя в большинстве стран действуют правила и меры предосторожности в отношении обращения и хранения опасных патогенов в лабораториях, меры безопасности - сильно различаются. Таким образом, за последние несколько десятилетий понимание концепции безопасности государств и многих видов существующих угроз расширилось. Помимо защиты границ, населения, ценностей и институтов, возникла необходимость включить понятие защиты от опасностей, вызванных загрязнением окружающей среды, международным терроризмом, массовыми перемещениями населения и инфекционными заболеваниями. Поэтому четкое различие между национальной и международной безопасностью, классическое со времен Гоббса, сегодня уже не имеет смысла: отмена расстояний, растущая взаимозависимость подтверждают идею, что эти две конструкции безопасности неразделимы. Концепция безопасности всё больше ориентирована не на внешнего агрессора, а на защиту граждан от целого ряда угроз. Ввиду отсутствия достаточных данных для определения природы

происхождения COVID-19, он занимает промежуточное положение. Понятие «жесткой безопасности» изначально было связано с традиционными, военными угрозами, в «мягкой безопасности» - с новыми угрозами. Однако понимание «войны» также изменилось, появились многочисленные разновидности. Как уже было отмечено, многие высокопоставленные лица, а также исследователи уже признали распространение COVID-19 «Третьей мировой войной». Таким образом, COVID-19 не относится однозначно ни к концепции «жесткой безопасности», ни к концепции «мягкой безопасности».

Источники и литература

- 1) Michihiro Kaino. Bentham's Concept of Security in a Global Context: The Pannomion and the Public Opinion Tribunal as a Universal Plan // Bentham Project Journal of Bentham Studies, vol. 11 . – URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1322984/1/010_Kaino__2008_.pdf.
- 2) Wolfers Arnold. Discord and Collaboration: Essays on International Politics // Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962.
- 3) Hiroshi Ohta. The Interlinkage of Climate Security and Human Security: The Convergence on Policy Requirements . – URL: https://cast.ku.dk/events/past_events/cast_conferences/climatesecurity/ohta-humansecurityclimatesecurityandir-march-09.pdf.
- 4) Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. – URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9>
- 5) Ruiz Estrada Mario. The Third War World (WWIII) Under COVID-19. 10.13140/RG.2.2.30589.08166
- 6) Резолюция Совета Безопасности ООН №1373 от 28 сентября 2001 года. - URL:[http://undocs.org/ru/S/RES/1373\(2001\)](http://undocs.org/ru/S/RES/1373(2001))
- 7) Специальный доклад Кевана Джонса, председателя Комиссии по науке и технологиям «COVID-19, международная безопасность и важность научно-технического сообщества НАТО». – URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-12/090%20STC%2020%20F%20%20rev.2%20fin.%20-%20RAPPORT%20STC%20-%20COVID-19.pdf>
- 8) Brzozowski Alexandra. Has COVID-19 increased the threat of bioterrorism in Europe? // Euroactive, 3 juin 2020)